

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.8>

UDC 346.7
LBC 67.404.9

Submitted: 16.05.2022
Accepted: 15.06.2022

INVESTMENTS ON THE INTERNET: REMOTE TRANSACTIONS WITH THE ELECTRONIC EQUIVALENTS OF OBLIGATIONS AND REQUIREMENTS ¹

Denis E. Matytsin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
International Law Institute (Volzhsky Branch), Volzhsky, Russian Federation

Introduction: to date, transactions with complex new investment objects are investigated, including utilitarian digital rights, digital financial assets, and digital currency. In this regard, the author sets a **goal:** to analyze and investigate the features of remote investment transactions made by individuals (private investors) on the Internet. **Methods:** the methodological framework for the study was the methods of scientific cognition, among which the main ones are the methods of systematicity, analysis and comparative law. **Results:** the specifics of the circumstances justified by the fact that the category “electronic equivalents of obligations and requirements” should be fixed as the key concept that should be included in the title of the Federal Law “On Digital Financial Assets” instead of the word formation “digital financial assets”. **Conclusions:** based on the analysis of the legislation, it is necessary to simplify and modernize the structure of interaction between a private investor, an information system operator, an investment recipient and eliminate unnecessary irrational stages of their interaction using digital computer technologies of a smart contract. Based on the results of the study, the author offers recommendations for the development of standard smart contracts.

Key words: private investor, Internet, requirements, obligations, information system, blockchain, electronic equivalents, transaction.

Citation. Matytsin D.E. Investments on the Internet: Remote Transactions With the Electronic Equivalents of Obligations and Requirements. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 57-68. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.8>

УДК 346.7
ББК 67.404.9

Дата поступления статьи: 16.05.2022
Дата принятия статьи: 15.06.2022

ИНВЕСТИЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ: ДИСТАНЦИОННЫЕ СДЕЛКИ С ЭЛЕКТРОННЫМИ ЭКВИВАЛЕНТАМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ТРЕБОВАНИЙ ¹

Денис Евгеньевич Матыцин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Международный юридический институт (Волжский филиал), г. Волжский, Российская Федерация

Введение: на сегодняшний день исследуются сделки со сложными новыми объектами инвестирования, в числе которых утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта. В связи с этим автором поставлена **цель:** проанализировать и исследовать особенности дистанционных инвестиционных сделок, совершаемых физическими лицами (частными инвесторами) в Интернете. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили методы научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** изучена специфика обстоятельств, обоснованных тем, что в качестве ключевого понятия, которое должно быть вынесено в название Федерального закона «О цифровых финансовых активах», вместо словосочетания «цифровые финансовые активы» следует закрепить категорию «электронные эквиваленты обязательств и требований». **Выводы:** на основе анализа законодательства следует упростить и модернизировать струк-

туру взаимодействия частного инвестора, оператора информационной системы, получателя инвестиций и устранить лишние нерациональные этапы их взаимодействия при помощи цифровых компьютерных технологий смарт-контракта. По итогам проведенного исследования автором предложены рекомендации по разработке типовых смарт-контрактов.

Ключевые слова: частный инвестор, Интернет, требования, обязательства, информационная система, блокчейн, электронные эквиваленты, сделка.

Цитирование. Матыцин Д. Е. Инвестиции в Интернете: дистанционные сделки с электронными эквивалентами обязательств и требований // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 57–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.8>

Введение

Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ) регулирует деятельность операторов инвестиционных платформ [10], порядок возникновения и обращение утилитарных цифровых прав, выдачу и обращение ценных бумаг, удостоверяющих утилитарные цифровые права. В Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ мы находим легальные способы осуществления дистанционно-цифровых инвестиционных сделок с новыми объектами, которые Законодатель назвал «утилитарные цифровые права».

По нашему мнению, слово «цифровые» в сочетании с термином «права» не несет никакого смысла. Реально никакие права нигде не имеют никаких цифровых отметок и цифрового содержания. Это не права на какие-либо цифры, Законодатель имеет в виду электронный способ фиксации тех или иных прав (требований), включая базовые положения Гражданского кодекса РФ о цифровых правах. Мы убеждены, что корректным и наполненным смыслом является термин «оцифрованные права (требования)». Оцифровка, осуществляемая при помощи компьютерных программ, всегда связана с использованием алгоритмов, которые, в свою очередь, всегда предусматривают шифрование – криптографическую защиту данных при их передаче. В этой связи, рассматривая оцифрованные права (требования) с позиций инвестиционных отношений, мы считаем обоснованным и целесообразным называть их криптообъекты [1, с. 180–190].

Исследование

Согласно ст. 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ, утилитарность утилитарных цифровых прав означает их практично-прикладной характер. По существу, утилитарные цифровые права – это обыкновенные требования кредитора к должнику. Законодатель предусмотрел пять разных вариантов этих требований: во-первых, требование передать вещь (вещи); во-вторых, требование передать исключительное право на результат интеллектуальной деятельности; в-третьих, требование передать право использования результата интеллектуальной деятельности; в-четвертых, требование выполнить работы; в-пятых, требование оказать услуги. Указанные требования, юридически выраженные цифровыми правами, выпускаются, переходят от лица к лицу и прекращаются только внутри базы данных инвестиционной платформы. По нашему мнению, подобное электронно-виртуальное утилитарное требование представляет собой не что иное, как оцифрованное инвестиционное предложение, совмещенное с обязательством получателя инвестиций, который взаимодействует с оператором данной инвестиционной платформы. Логично, что такие инвестиционные предложения, совмещенные с обязательством оферента и превращенные при помощи специальных компьютерных программ, которыми владеет оператор, в зашифрованные записи (которые еще и фиксируют сами инвестиционные предложения), далее уже в виде особых криптообъектов могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться инвесторами только внутри данной инвестиционной платформы. В законе предусмотрено присвоение уникальных условных обозначений для утилитарного цифрового права или для одинаковых утилитарных цифровых прав. Такие обозначения должны

позволять идентифицировать эти криптообъекты как в инвестиционной платформе, так и вне ее. Должны также позволять различать утилитарные цифровые права между собой без необходимости выяснения их содержания.

В этой связи Законодатель в ст. 11 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ устанавливает специальные требования к инвестиционной платформе. Во-первых, программно-аппаратные средства инвестиционной платформы должны быть физически разделены на несколько узлов (один узел – один пользователь). Это достигается без особых проблем при помощи Интернета. Каждый узел (каждый пользователь) имеет техническую возможность хранить (дублировать) базу данных инвестиционной платформы, безусловно, каждый узел имеет подключение к информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Во-вторых, каждый узел обеспечивается одной и той же компьютерной программой, которой управляется указанная база данных. В-третьих, информационные технологии платформы в автоматическом режиме (без участия человека) при помощи указанной компьютерной программы обеспечивают дублирование (поддержание тождественности) сведений, содержащихся в базах данных инвестиционной платформы, на каждом из узлов инвестиционной платформы. По нашему мнению, в этом пункте указанной статьи Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ Законодатель закрепил применение субъектами, взаимодействующими в инвестиционной платформе, технологии блокчейн [4, с. 221–229]. Фиксация и дублирование (без участия человека) данных при осуществлении сделок с утилитарными цифровыми правами – особыми криптообъектами в базе данных (одинаково во всех узлах) каждого из участников позволяют исключить на техническом уровне любые возможности изменить и (или) удалить информацию о состоявшихся фактах по каждому этапу единичной дистанционной инвестиционной сделки.

Законодатель в Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ выводит из состава утилитарных цифровых прав три разновидности требований. Во-первых, требование передачи имущества, права на которое подлежат государственной регистрации. Во-вторых, требование передачи имущества, сделки с кото-

рым подлежат государственной регистрации. В-третьих, требование передачи имущества, сделки с которым подлежат нотариальному удостоверению. Следовательно, указанные требования не могут быть оцифрованы и не могут в качестве особых криптообъектов появиться в обороте на какой-либо инвестиционной платформе.

Возникновение утилитарного цифрового права по мысли Законодателя основано на договоре о приобретении утилитарного цифрового права, заключенного с использованием инвестиционной платформы. Именно по факту заключения такого договора, в котором в качестве предмета закрепляется цифровое право (требование), происходит рождение и дальнейшее существование в обороте этих особых криптообъектов. В Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ мы не находим никаких подробностей относительно положений указанного договора. При этом имеется регулирование непосредственно самих криптообъектов. Получатель инвестиций в своем инвестиционном предложении обязан раскрыть содержание и условия осуществления утилитарных цифровых прав: во-первых, сущность самого требования; во-вторых, порядок осуществления данного требования; в-третьих, количество предлагаемых инвесторам требований. Эти условия не могут измениться с момента начала срока действия инвестиционного предложения. Как видим, утилитарные цифровые права первоначально рождаются как электронно-виртуальная идея и будущая юридическая форма обязательства, которое возникнет между инвестором и получателем инвестиций, но может и не возникнуть, если инвестиционное предложение не будет воспринято инвесторами как привлекательное и перспективное. Полагаем, такая минимально затратная технология выдвижения инвестиционных предложений, предусматривающая их последующее превращение в оборотное обязательство, весьма рациональна и выгодна для потенциальных получателей инвестиций. При этом инвесторы также имеют широчайшие возможности выбора вариантов дистанционных инвестиций тоже без особых затрат – от них требуется только внимательное изучение широкого спектра вариантов вложений в инвестиционном сегменте Интерне-

та, непрерывный доступ к которому тоже стоит совсем недорого.

Как отмечено выше, эти особые криптообъекты имеют четко очерченные рамки своего оборота. А именно: возникновение утилитарного цифрового права, его осуществление, распоряжение им (включая передачу, залог, обременение другими способами). Ограничение распоряжения им возможны только в инвестиционной платформе. Указанные варианты пребывания в обороте, равно как и переход криптообъекта от одного лица к другому становятся юридически значимыми с момента фиксации соответствующего факта в базе данных платформы, а также в каждом узле дублирования [13, р. 328–336]. В Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ч. 8 ст. 8) Законодатель установил обязанность оператора обеспечить для инвесторов техническую возможность приобретать утилитарные цифровые права, знакомиться с их содержанием, осуществлять имеющиеся во владении требования, а также распоряжаться ими. Предусмотрено также (ч. 9 ст. 8) право оператора предоставить возможность принять для учета обращающиеся утилитарные цифровые права четвертому лицу (не себе – оператору, не инвестору, не получателю инвестиций). Здесь, к сожалению, мы сталкиваемся в законе с очередным нерациональным нагромождением, при котором в схему инвестиционного взаимодействия оператора, инвестора, получателя инвестиций добавляется совершенно излишний субъект, причем добавляется обязанность оператора установить юридическую личность такого субъекта. Наряду с этим загадочным четвертым лицом, Законодатель допускает учет утилитарных цифровых прав депозитарием в соответствии с Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

Вовлечение в схему инвестиционного взаимодействия депозитария сопровождается созданием Законодателем в рамках Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ новой ценной бумаги – это цифровое свидетельство. В гражданском обороте хорошо известны свидетельство о рождении, свидетельство о заключении брака, двойное складское свидетельство, простое складское свидетельство и др. Здесь цифровое свидетельство тракту-

ется как неэмиссионная бездокументарная ценная бумага, не имеющая номинальной стоимости. Во-первых, эта бестелесная бумага принадлежит лицу, владеющему утилитарным цифровым правом. Во-вторых, эта бумага свидетельствует, что владельцу бумаги принадлежит утилитарное цифровое право. В-третьих, эта бумага закрепляет право ее владельца требовать от депозитария оказания услуг по осуществлению утилитарного цифрового права и (или) распоряжения им определенным образом. В-четвертых, эта бумага – цифровое свидетельство выдается депозитарием владельцу утилитарного цифрового права, учет которого осуществляется этим депозитарием. По всей видимости, Законодатель, вводя в правовое поле цифровое свидетельство, пытался создать юридический заменитель утилитарного цифрового права с целью облегчения его восприятия участниками гражданского оборота, которым, возможно, более привычно и более доверительно воспринимать оборот объектов инвестирования при участии давно известного депозитария. В очередной раз можно с сожалением указать на нерациональное нагромождение, которое возникает в регулировании оборота криптообъектов вследствие надуманного вовлечения в схему инвестиционного взаимодействия четвертого лица – сначала некоего загадочного субъекта, затем еще более громоздкое вовлечение депозитария. При этом пришлось на ходу придумывать, какие именно «ценные бумаги» депозитарий сам будет рождать, а потом сам же их будет учитывать. Здесь следует поблагодарить Законодателя, что выдача цифрового свидетельства не требует государственной регистрации. Следует уточнить, что по гибкой мысли Законодателя оборот утилитарных цифровых прав возможен вообще без всякого обращения к депозитарию и без выдачи в отношении утилитарных цифровых прав цифровых свидетельств.

Полагаем, что негативные (противоправные) варианты осуществления оборота утилитарных цифровых прав, которые приводит Законодатель в подп. 1, 2, 3 ч. 4 ст. 11 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ, возможны только при наличии сговора всех субъектов, участвующих в инвестиционной сделке, а именно: инвестор, получатель ин-

вестиций, оператор платформы. Первый вариант предполагает возможность внесения в базу данных, содержащую информацию о возникновении, переходе и прекращении утилитарных цифровых прав информации о переходе утилитарного цифрового права, которое было прекращено. То есть имеется в виду продолжение оборота оцифрованного инвестиционного предложения, совмещенного с обязательством – требования, которое на самом деле уже прекратилось в силу исполнения обязательства (ст. 407 Гражданского кодекса Российской Федерации). Второй вариант, расширяя первый, предполагает, что не соблюдаются условия обращения и прекращения утилитарных цифровых прав, определенных в инвестиционном предложении. Третий вариант предполагает возможность увеличения (уменьшения) количества утилитарных цифровых прав в обращении в инвестиционной платформе не только путем их возникновения у инвестора, принявшего инвестиционное предложение, и прекращения не только по основаниям, установленным Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ.

Полагаем также, что Законодатель вполне обоснованно усматривает противоправные возможности создания цифровой финансовой пирамиды, поскольку в инвестиционной платформе генерировать утилитарные цифровые права можно практически мгновенно и это практически ничего не стоит по затратам, необходимо лишь подготовить привлекательное инвестиционное предложение. По нашему мнению, установленной в законе ответственности оператора инвестиционной платформы в юридической конструкции «в такой инвестиционной платформе должны обеспечиваться...» недостаточно. Следует усилить гарантии для инвесторов, а также в целях поддержания долгосрочной стабильности инвестиционного сегмента Интернета следует осуществлять сделки с утилитарными цифровыми правами на инвестиционных платформах по предложенной нами ранее схеме полисубъектного юрисдикционного блокчейна, в которой должны системно взаимодействовать 6 субъектов. При этом участия депозитария не требуется [6, с. 171–174].

Особый криптообъект (утилитарное цифровое право) представляет собой оцифрован-

ное требование к потенциальному получателю инвестиций, которое он сам приготовил для инвесторов, чтобы получить деньги на определенный срок и по определенной цене, превратив тем самым инвестиционное предложение в свое обязательство должника. Например, завод железобетонных изделий предлагает на инвестиционной платформе утилитарное цифровое право: требование к нему о передаче владельцу требования 12 тыс. куб. метров товарного бетона марки М500 в течение срока 12 месяцев по 1 тыс. куб. метров бетона в месяц самовывозом получателя из адреса должника. Вполне возможно, что инвестор какого-то строящегося жилого комплекса нуждается в таком количестве бетона, режим исполнения обязательства его устраивает. Очевидно, что цена за указанный товар, которая будет уплачена инвестором за год вперед, будет существенно ниже, чем цена, которую уплачивают покупатели бетона, ожидающие отгрузки в порядке «живой очереди» у заводской проходной. Лицо, привлекающее инвестиции (завод железобетонных изделий), получив от инвестора крупную денежную сумму – годовую выручку за еще не изготовленный и не поставленный бетон, добросовестно израсходует эти деньги на свои задачи развития. Например, им будет закуплено новое высокоэффективное оборудование, которое усилит имущественный комплекс завода и принесет получателю инвестиций существенную выгоду в дальнейшей предпринимательской деятельности.

В Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ Законодатель предусмотрел возможность оборота в инвестиционной платформе криптообъектов еще двух видов. Во-первых, цифровые финансовые активы; во-вторых, цифровые права, включающие одновременно утилитарные цифровые права плюс цифровые финансовые активы [5, с. 28–31]. Так же, как и оцифрованные требования, указанные активы и цифровая валюта, несомненно, интересны нам с исследовательских позиций, потому что являются объектами инвестирования и предметом дистанционно-цифровых инвестиционных сделок.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации» (Федеральный закон «О цифровых финансовых активах») регулирует 3 группы отношений [12]. Первая группа: отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов. Вторая группа: особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов. Третья группа: отношения, возникающие при обороте цифровой валюты. Рассмотрим далее варианты совершения дистанционных инвестиционных сделок, продвигаясь в анализе тоже по группам регулируемых отношений.

К новейшим объектам гражданских прав и объектам инвестирования следует отнести цифровые финансовые активы. Законодатель трактует цифровые финансовые активы как цифровые права, включая в их состав 4 вида требований. Первый вид – денежные требования. Второй вид – права по эмиссионным ценным бумагам. Третий вид – права участия в капитале непубличного акционерного общества. Четвертый вид – требование передачи эмиссионных ценных бумаг. Все четыре указанных вида цифровых прав (требований) должны быть предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов (в порядке, установленном Федеральным законом «О цифровых финансовых активах»). При этом выпуск, учет и обращение цифровых прав (требований) возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах»). По нашему мнению, термин «информационная система» заменяет простейшее понятие веб-сайт, при этом термины «финансовая платформа», «инвестиционная платформа» уже задействованы Законодателем в других федеральных законах. Вполне обоснованно можно было назвать применяемую технологию оборота указанных выше требований «блокчейн-платформа», но, как видим, Законодатель применил термин «информационная система», который наиболее нейтрален и не несет никакой дополнительной смысловой нагрузки [15, р. 205–213]. Кроме того, полагаем, что термин «циф-

ровые финансовые активы» привязан к инвестору, который вложив деньги встречно получает определенный оцифрованный актив, также непротиворечиво можно называть эти криптообъекты «оцифрованное обязательство», привязав термин к получателю инвестиций.

По нашему мнению, Федеральный закон «О цифровых финансовых активах» содержит самые широкие инвестиционные свободы, которые могут быть реализованы креативными получателями инвестиций и инвесторами. Решение о выпуске этих криптообъектов может быть принято любым российским индивидуальным предпринимателем, юридическим лицом, обязательен его действующий веб-сайт в Интернете. Выпускаются криптообъекты в той самой информационной системе блокчейн-платформе, веб-сайт которой указывается в Решении. Указывается также вид, объем, количество требований, представленных выпускаемыми криптообъектами. Указывается цена при их оплате денежными средствами и (или) пропорции других цифровых финансовых активов при встречном расчете бартером. В решении также фиксируется дата начала размещения цифровых финансовых активов. Здесь обратим внимание на следующую фразу Законодателя: «...дату начала размещения выпускаемых цифровых финансовых активов путем заключения договоров об их приобретении;» (подп. 7 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О цифровых финансовых активах»). Полагаем, имеется в виду, что размещение всего объема криптообъектов происходит на основании заключения каждым инвестором договора о приобретении цифровых финансовых активов. Заметим, что нигде далее в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах» мы не находим положений, раскрывающих содержание указанного договора. В Решении также может быть указано, что допускаются сделки, предусматривающие исполнение сторонами возникающих из них обязательств при наступлении определенных обстоятельств. Причем без направленного на исполнение обязательств отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон, а путем применения информационных технологий. Здесь, как видим, Законодатель имеет в виду смарт-контракты, их применение в инвестиционных отношениях мы полностью под-

держиваем. Кроме того, в Решении возможно даже зафиксировать ограничение оснований и (или) размера ответственности лица, выпускающего цифровые финансовые активы. Банк России вправе установить дополнительные требования к содержанию Решения о выпуске цифровых финансовых активов. Указанное Решение о выпуске (публичная оферта) размещается на веб-сайте самого оферента, а также на веб-сайте информационной системы – блокчейн-платформы в электронной форме, с усиленной электронной подписью.

Согласно ст. 2 Федерального закона «О цифровых финансовых активах», Законодатель приравнивает выпуск цифровых финансовых активов к записи об их зачислении первому «обладателю». Это довольно странный термин, не понятно, какое правомочие Законодатель имеет в виду, поскольку в гражданском праве существует классическая триада правомочий: владение, пользование, распоряжение. Причем здесь ст. 1229 ГК РФ и лицо, обладающие исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (правообладатель) [9, с. 117–125]? Почему Законодатель не использует термин «владелец»? Потому что это категория вещного права? А какое правомочие Законодатель здесь имеет в виду?

С момента записи о зачислении лицу (инвестору) цифровых финансовых активов в указанной выше информационной системе блокчейн-платформе у инвестора возникает конкретное право (требование). Далее мы сталкиваемся с особо либеральным положением о том, что те самые записи в информационную систему блокчейн-платформу вправе вносить любые индивидуальные предприниматели, коммерческие и некоммерческие организации. То есть владельцем информационной системы блокчейн-платформы может быть одно лицо (оператор), вносить записи о зачислении инвесторам цифровых финансовых активов могут другие лица. При этом Банк России может установить порядок зачисления в определенных случаях цифровых финансовых активов номинальному их держателю – классическому лицензированному депозитарию.

Инвесторы, которые вкладываются в цифровые финансовые активы, во-первых, включаются в Реестр пользователей инфор-

мационной системы. Во-вторых, получают уникальный код доступа, позволяющий им получать информацию об имеющихся активах, а также распоряжаться ими. Оборот цифровых финансовых активов сопровождается записями об их принадлежности. Записи вносятся и (или) изменяются по указанию выпустившего их получателя инвестиций, по указанию инвестора-владельца, а также автоматически на основании смарт-контракта. Законодатель в ч. 3 ст. 4 Федерального закона «О цифровых финансовых активах» указывает, что по исполнению обязательства получателем инвестиций «записи о цифровых финансовых активах должны быть погашены». Это некорректное выражение, ошибочно образованное от юридической процедуры «запись о погашении (списании погашаемых) ценных бумаг». Невозможно погасить запись, поскольку это всего лишь буквы и цифры в таблице в базе данных. Запись может быть только аннулирована (что вовсе не означает стерта), то есть больше не имеет юридической силы. В этой части требуется изменение законодательства. Переход цифровых финансовых активов к новому приобретателю считается состоявшимся также с момента внесения записи в информационную систему.

Информационная система блокчейн-платформа находится под управлением оператора. Это юридическое лицо – российский резидент. В качестве оператора могут на условиях совмещения осуществлять предпринимательскую деятельность российские кредитные организации, депозитарии, организаторы торговли. По нашему мнению, требования Законодателя, установленные к оператору в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах», весьма высокие и жесткие. Правовая характеристика оператора (ст. 5), требования к деятельности оператора (ст. 6), ответственность оператора (ст. 9) занимают более трети объема всего закона. В этой связи представляется очень сомнительной норма закона о том, что некий индивидуальный предприниматель, некое юридическое лицо помимо оператора (даже, например, на условиях аутсорсинга) будут допущены этим оператором к внесению записей о движении цифровых финансовых активов. Тем более, что оператор сам разрабатывает и утверждает

Правила информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, представляет их на согласование в Банк России вместе с огромным пакетом иных документов. Банк России имеет право до 60 дней рассматривать Правила и иные документы, представленные заявителем, затем согласовывает эти Правила либо выносит отказ. В положительном случае в срок до трех дней Банк России включает заявителя в Реестр операторов информационных систем на своем веб-сайте, тем самым легитимируя заявителя в статусе оператора. Банк России вправе исключить оператора из указанного Реестра за нарушения, а также по его добровольному заявлению.

Упомянутый выше Реестр пользователей информационной системы ведет сам оператор (может также для этого привлечь лиц, функционирующих в качестве узлов блокчейн-платформы). В нем фиксируются, во-первых, сведения о каждом пользователе информационной системы; во-вторых, сведения, необходимые для аутентификации пользователя в информационной системе; в-третьих, запись о статусе пользователя, кто это: лицо, выпускающее цифровые финансовые активы; владелец цифровых финансовых активов; оператор обмена цифровых финансовых активов. Как видим, дистанционная инвестиционная сделка с цифровыми финансовыми активами не обходится без посредника.

Согласно ст. 10 Федерального закона «О цифровых финансовых активах», сделки купли-продажи и все иные сделки с этими криптообъектами «совершаются через оператора обмена цифровых финансовых активов». Законодатель неудачно поименовал его оператором, как минимум сразу в трех федеральных законах 2019–2020 гг. встречается субъект с таким же названием. Данный субъект «обеспечивает заключение сделок с цифровыми финансовыми активами путем сбора и сопоставления разнонаправленных заявок на совершение таких сделок либо путем участия за свой счет в сделке с цифровыми финансовыми активами в качестве стороны такой сделки в интересах третьих лиц» [12]. По существу, это хорошо знакомый нам брокер и дилер одновременно. Его бизнес могут на условиях совмещения осуществлять кредитные организации и

организаторы торговли. Если это будет иная коммерческая, некоммерческая организация, необходим капитал в размере не менее 50 млн рублей, а также необходимо соответствие еще целому ряду высоких и жестких требований на уровне, близком к уровню коммерческого банка. В этом случае на основании ходатайства и поданного огромного пакета документов в установленном Банком России порядке такой брокер-дилер будет включен в Реестр операторов обмена цифровых финансовых активов. Заметим, что бизнес оператора кредитные организации и организаторы торговли вправе осуществлять на основании своих действующих лицензий, им не требуется включение в указанный Реестр [16, с. 199].

Дистанционные инвестиционные сделки с цифровыми финансовыми активами осуществляются по Правилам их обмена. Эти Правила оператор обмена (брокер-дилер) согласовывает с Банком России. Банк России имеет право до 45 дней рассматривать Правила и иные документы, представленные заявителем, затем согласовывает эти Правила либо выносит отказ. В положительном случае в срок до трех дней Банк России включает заявителя в Реестр операторов обмена цифровых финансовых активов на своем веб-сайте.

Выводы

По нашему мнению, инвестиционная сделка с указанными криптообъектами имеет сложносоставную структуру. Инвестор и потенциальный получатель инвестиций, оба двигаясь каждый к своей цели получения прибыли, находят в Интернете веб-сайт оператора обмена. Каждому указанному субъекту необходимо вступить в контакт и выстроить договорное отношение с оператором обмена для того, чтобы оператор подыскал инвестору соответствующего получателя инвестиций, помог купить у него утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровые валюты. Справедливо и обратное: поиск потенциальным получателем инвестиций инвестора должен также закончиться положительно при помощи оператора обмена – совершением продажи криптообъектов. Оператор обмена может не совпадать в одном лице с оператором информационной системы –

блокчейн-платформы, тогда потребуется еще одно договорное отношение. Возникает нагромождение сразу четырех договоров. По нашему мнению, следует упростить и модернизировать структуру взаимодействия указанных выше субъектов и устранить лишние нерациональные этапы их взаимодействия при помощи цифровых компьютерных технологий смарт-контракта [14, р. 3–13].

Криптообъекты инвестирования, названные Законодателем «цифровые финансовые активы» в течение последних 4–5 лет были удостоены весьма пристального внимания крупных, авторитетных, ведущих представителей юридической доктрины. С одной стороны, законотворческая работа над Федеральным законом «О цифровых финансовых активах» продолжалась около трех лет, с другой – законодателем была воспринята всего лишь примерно треть рекомендаций, предложенных учеными.

Громоздкость положений, в частности правового режима оператора информационной системы, правового режима оператора обмена цифровых финансовых активов, вполне ожидаемо обернулась печальным фактом. К середине 2022 г. на веб-сайте Банка России мы находим в Реестре операторов информационных систем, в Реестре операторов обмена цифровых финансовых активов, только трех хозяйствующих субъектов [2]. Считаем весьма проблематичным участие частных инвесторов в инвестиционных сделках в этих сложных информационных системах блокчейн-платформах [9]. Понятно, что Законодатель пытался ввести в правовое поле интенсивные интернет-процессы токенизации – оцифровки обязательств и требований получателями инвестиций под их предпринимательские проекты. Следует здесь также напомнить, что сам Законодатель допускает сделки с цифровыми финансовыми активами еще и в инвестиционных платформах [4, с. 221–229].

К сожалению, текст нормативного акта имеет просто ошибки, также присутствуют содержательные противоречия. Например, в составе основных понятий (ч. 2 ст. 1) Законодатель указывает, что цифровые финансовые активы есть оцифрованные требования нескольких видов. Однако буквально в следующих статьях закона мы видим совсем иное. Так, в ст. 2 (ч. 1, 2), в ст. 3 (п. 3, п. 11 ч. 1), в ст. 12, 13

представлена конструкция – аналог ценных бумаг, поскольку в тексте закреплено: «...права, удостоверенные цифровыми финансовыми активами...». Здесь возникает тупик, потому что неясно, цифровые финансовые активы – это сами оцифрованные требования и одновременно обязательства, или это их юридические заменители в электронной форме?

Вполне соответствует понятийная категория «электронные эквиваленты обязательств и требований» цифровой валюте, закрепленной в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах». Это тоже электронный способ фиксации обязательства, фиксации требования – это особые криптозаписи, формируемые в Интернете и используемые по технологии блокчейн коллективами пользователей на взаимно-доверительной основе для расчетов между участниками этих коллективов. Как новые объекты гражданских прав [8] данные криптозаписи названы Законодателем «совокупностью электронных данных» и допускаются Законодателем в качестве объектов инвестирования в дистанционных сделках [7, с. 39–47]. Следует уточнить, что внутри блокчейн-коллектива пользователей указанные денежные суррогаты превращаются в обязательства и требования в каждом случае индивидуально и спонтанно, только при наличии взаимного интереса участников расчетов. При этом отметим, что Законодатель устанавливает гарантии судебной защиты прав инвесторов в рамках подобных сделок только при условии, что инвестор-владелец этих криптозаписей своевременно и в полном объеме уведомил о фактах своего владения и о фактах состоявшихся сделок с его участием налоговые органы.

Заключение

По нашему мнению, наиболее острым противоречием, которое мы считаем особенно вредным для инвестиционного оборота, является бессодержательность и несоответствие смыслу регулируемых отношений центрального термина нормативного акта «цифровые финансовые активы». Относительно бессодержательности термина «цифровые» мы уже высказывались ранее. Термин «финансовые» нигде Законодателем не раскрывается и не имеет принципиального значения применительно к

регулированию оборота криптообъектов, тем более сам Законодатель допускает безденежный бартерный обмен одних криптообъектов встречно на другие объекты. Термин «активы» односторонне привязан к позиции инвестора, который, вложив деньги, получает во владение некие активы. Можно вполне резонно задать вопрос, а где же позиция получателя инвестиций, у которого возникает обязательство, уравновешивающее те же самые активы, которые «получает» инвестор? Полагаем, термин «активы» традиционно имеет больше экономико-бухгалтерское звучание и содержание, чем инвестиционное и юридическое. По нашему мнению, в качестве ключевого понятия, которое должно быть вынесено в название Федерального закона «О цифровых финансовых активах» вместо словосочетания «цифровые финансовые активы», следует закрепить «электронные эквиваленты обязательств и требований». Такая терминология юридически прозрачна и понятна, точно отражает сущность регулируемых отношений и функциональное предназначение самих криптообъектов: электронный способ фиксации обязательства, способ фиксации требования. Полагаем, что практическая отработка положений Федерального закона «О цифровых финансовых активах» в течение 2022–2024 гг. должна осуществляться на основе смарт-контрактов. Необходимо разработать типовые смарт-контракты – шаблоны (договор о приобретении утилитарного цифрового права, договор о приобретении, договор обмена цифровых финансовых активов, единый договор инвестора, получателя инвестиций, оператора обмена активов, оператора информационной системы) и начать их применение под пилотированием и в регулятивной «песочнице» Банка России [11].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00314 «Трансформация общественных отношений в условиях индустрии 4.0: юридическая превенция».

The research is carried out with the financial support of the Russian Academy of Sciences in the framework of the scientific project No. 20-18-00314 “Transformation of Public Relations in the Context of Industry 4.0: Legal Prevention”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, Н. В. Соотношение институтов цифровых прав, цифровых финансовых активов и цифровых валют / Н. В. Алексеев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 1 (48). – С. 180–190. – DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/3723>
2. Банк России : офиц. сайт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/registries/infrastr/#a_132564 (дата обращения: 07.05.2022). – Загл. с экрана.
3. Иншакова, А. О. Правовое регулирование инвестиционных платформ в условиях интенсификации цифровых технологий на рынке ценных бумаг / А. О. Иншакова, А. И. Гончаров // Право и практика. – 2020. – № 1. – С. 107–115.
4. Иншакова, А. О. Электронная регистрация фактов для снижения конфликтности хозяйственной деятельности в режиме полисубъектного юрисдикционного блокчейна / А. О. Иншакова, А. И. Гончаров // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. памяти проф. В.К. Пучинского (Москва, 12 окт. 2018 г.) / под. ред. Е. Е. Фроловой, Е. П. Русаковой. – М. : РУДН, 2018. – С. 221–229.
5. Кушнарев, А. С. Цифровые финансовые активы в делах о банкротстве / А. С. Кушнарев, В. О. Пучков // Бизнес, менеджмент и право. – 2022. – № 1. – С. 28–31.
6. Матыцин, Д. Е. Утилитарные цифровые права как предмет дистанционно-цифровых сделок в инвестиционных платформах / Д. Е. Матыцин // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 1 (164). – С. 171–174.
7. Матыцин, Д. Е. Цифровые финансовые активы в дистанционных цифровых инвестиционных сделках / Д. Е. Матыцин // Банковское право. – 2022. – № 1. – С. 39–47.
8. Объекты гражданских прав : учеб. для бакалавриата, специалитета и магистратуры / А. И. Гончаров [и др.] ; под ред. А. И. Гончаров, А. О. Иншаковой. – 2-е изд. – М. : Юрайт ; Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2020. – 566 с.
9. Понкин, И. В. Проблемы в праве интеллектуальной собственности, перспективно определяемые процессами цифровизации: общие вопросы теории / И. В. Понкин, А. И. Лаптева // НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право. – 2022. – № 47 (1). – С. 117–125. – DOI: <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-1-117-125>
10. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Фе-

дерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 31. – Ст. 4418.

11. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5017.

12. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5018.

13. Inshakova, A. O. Digital Blockchain Registration of Legally Significant Stages of Complex Good's Export-Import Supplies by Business Entities of the EAEU and BRICS Jurisdictions / A. O. Inshakova, A. I. Goncharov, I. V. Ershova // *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age : Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952–2018)* / ed. by A. O. Inshakova, E. I. Inshakova. – Cham : Springer Nature, 2020. – P. 328–336. – (Lecture Notes in Networks and Systems ; vol. 110).

14. Inshakova, A. O. Electronic-Digital Smart Contracts: Modernization of Legal Tools for Foreign Economic Activity / A. O. Inshakova, A. I. Goncharov, D. A. Salikov // *The 21st Century from the Positions of Modern Science: Intellectual, Digital and Innovative Aspects* / ed. by E. Popkova, B. Sergi. – Cham : Springer Science, 2020. – P. 3–13. – (Lecture Notes in Networks and Systems ; vol. 91). – DOI: 10.1007/978-3-030-32015-7_1

15. Kalinina, A. E. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts / A. E. Kalinina, A. O. Inshakova, A. I. Goncharov // *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*. – Cham : Springer Science + Business Media, 2019. – P. 205–213. – (ed. by E. G. Popkova. *Studies in Computational Intelligence* ; vol. 826).

16. Matytsin, D. E. Regulation of the Turnover of Intellectual Property on the Internet: Blockchain-Protection of the Rights of Authors / D. E. Matytsin, A. I. Goncharov, A. O. Inshakova // *The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention* // ed. by A. O. Inshakova, E. E. Frolova. – Cham : Information Age Publishing Inc., 2022. – P. 199–208. – (ed. by E. G. Popkova. *Advances in Research on Russian Business and Management*).

REFERENCES

1. Alekseev N.V. Sootnoshenie institutov cifrovyyh prav, cifrovyyh finansovyh aktivov i cifrovyyh valyut [Correlation of Institutions of Digital Rights, Digital Financial Assets and Digital Currencies]. *Vestnik*

Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law], 2022, no. 1 (48), pp. 180-190. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/3723>

2. *Bank Rossii : ofic. sajт* [Bank of Russia: Official. Website]. URL: https://www.cbr.ru/registries/infrastr/#a_132564 (accessed 7 May 2022).

3. Inshakova A.O., Goncharov A.I. Pravovoe regulirovanie investicionnyh platform v usloviyah intensivifikacii cifrovyyh tekhnologij na rynke cennyh bumag [Legal Regulation of Investment Platforms in the Context of the Intensification of Digital Technologies in the Securities Market]. *Pravo i praktika* [Law and Practice], 2020, no. 1, pp. 107-115.

4. Inshakova A.O., Goncharov A.I. Elektronnaya registraciya faktov dlya snizheniya konfliktnosti hozyajstvennoj deyatel'nosti v rezhime polisubektnogo yurisdikcionnogo blokchejna [Electronic Registration of Facts to Reduce the Conflict of Economic Activity in the Regime of a Multi-Subject Jurisdictional Blockchain]. E.E. Frolova, E.P. Rusakova, eds. *Sravnitel'no-pravovye aspekty pravootnoshenij grazhdanskogo oborota v sovremennom mire : sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pamyati prof. V.K. Puchinskogo (Moskva, 12 okt. 2018 g.)* [Comparative Legal Aspects of Legal Relations of Civil Circulation in the Modern World: Collection of Articles. Art. International Scientific-Practical. Conf. Memory of Prof. V.K. Puchinsky (Moscow, October 12, 2018)]. Moscow, RUDN Publ., 2018, pp. 221-229.

5. Kushnarev A.S., Puchkov V.O. Cifrovyye finansovyye aktivyy v delah o bankrotstve [Digital Financial Assets in Bankruptcy Cases]. *Biznes, menedzhment i pravo* [Business, Management and Law], 2022, no. 1, pp. 28-31.

6. Matytsin D.E. Utilitarnyye cifrovyye prava kak predmet distancionno-cifrovyyh sdelok v investicionnyh platformah [Utilitarian Digital Rights as a Subject of Remote Digital Transactions in Investment Platforms]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2022, no. 1 (164), pp. 171-174.

7. Matytsin D.E. Cifrovyye finansovyye aktivyy v distancionnyh cifrovyyh investicionnyh sdelkah [Digital Financial Assets in Remote Digital Investment Transactions]. *Bankovskoe pravo* [Banking Law], 2022, no. 1, pp. 39-47.

8. Goncharov A.I., et al. *Obekty grazhdanskikh prav : uchebnyk dlya bakalavriata, specialiteta i magistratury* [Objects of Civil Rights: A Textbook for Undergraduate, Specialist and Magistracy]. Moscow, Yurajt Publ.; Volgograd, Izd-vo VolGU, 2020. 566 p.

9. Ponkin I.V., Lapteva A.I., 2022. Problemy v prave intellektual'noj sobstvennosti, perspektivno opredelyaemye processami cifrovizacii: obshchie voprosy teorii [Problems in Intellectual Property

Law Prospectively Defined by Digitalization Processes: General Issues in Theory]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law], 2022, no. 47 (1), pp. 117-125. DOI: <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-1-117-125>

10. Federal'nyj zakon ot 02.08.2019 № 259-FZ «O privilechenii investicij s ispol'zovaniem investicionnyh platform i o vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 259-FZ of August 2, 2019 "On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2019, no. 31, art. 4418.

11. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ «O cifrovyyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2020, no. 31 (pt. I), art. 5017.

12. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ «O cifrovyyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2020, no. 31, art. 5018.

13. Inshakova A.O., Goncharov A.I., Ershova I.V. Digital Blockchain Registration of Legally Significant

Stages of Complex Good's Export-Import Supplies by Business Entities of the EAEU and BRICS Jurisdictions. A.O. Inshakova, E.I. Inshakova, eds. *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952–2018)*. Cham, Springer Nature Publ., 2020, pp. 328-336. (Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 110).

14. Inshakova A.O., Goncharov A.I., Salikov D.A. Electronic-Digital Smart Contracts: Modernization of Legal Tools for Foreign Economic Activity. Popkova E., Sergi B., eds. *The 21st Century from the Positions of Modern Science: Intellectual, Digital and Innovative Aspects*. Springer, Cham Publ., pp. 3-13. (Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 91). DOI: 10.1007/978-3-030-32015-7_1

15. Kalinina A.E., Inshakova A.O., Goncharov A.I. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts. *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*. Cham, Springer Science + Business Media Publ., 2019, pp. 205-213. (Popkova E.G., ed. Studies in Computational Intelligence; vol. 826).

16. Matytsin D.E., Goncharov A.I., Inshakova A.O. Regulation of the Turnover of Intellectual Property on the Internet: Blockchain-Protection of the Rights of Authors. Inshakova A.O., Frolova E.E., eds. *The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention*. Cham, Information Age Publishing Inc., 2022, pp. 199-208. (Series: Popkova E.G., ed. Advances in Research on Russian Business and Management).

Information About the Author

Denis E. Matytsin, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, International Law Institute (Volzhsky Branch), Bolshevistskaya St, 7, 404106 Volzhsky, Russian Federation, dmatytsin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Информация об авторе

Денис Евгеньевич Матыцин, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; доцент кафедры гражданского права и процесса, Международный юридический институт (Волжский филиал), ул. Большевикская, 7, 404106 г. Волжский, Российская Федерация, dmatytsin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>